

Чу Ян промолчал. Выждав короткую паузу, он совершенно невозмутимо принялся расправлять складки на одежде и поправлять волосы, всем своим видом показывая, что пропустил слова собеседника мимо ушей. Ван Шо, наблюдая за ним, тоже не выказал никаких эмоций. Он лишь низко опустил голову; длинные ресницы тенью легли на лицо, и он скрыл свои истинные чувства.

Чу Ян тихо, презрительно усмехнулся. Поняв, что попытка раззадорить противника провалилась, он с явной скукой спросил:

— И всё же, кто вы друг другу?

В ответ — лишь мёртвое молчание. Ван Шо словно и не слышал вопроса. Он бережно, едва касаясь, отвёл растрёпанные пряди со лба Бай По.

В комнате повисла такая тишина, что старому Су Чжэ показалось, будто он может слышать шорох лапок ползущего за порогом муравья. Подать голос он не смел. С одной стороны стоял спаситель Цзян И, с другой — могущественная крепость семьи Чу, на поддержку которой они так рассчитывали. Старик разрывался между долгом и выгодой, до смерти боясь сделать неверный шаг.

Убедившись, что одежда юноши приведена в относительный порядок, Ван Шо наконец убрал руку. Буря, бушевавшая в глубине его глаз, улеглась, сменившись обманчивым штилем.

— Разблокируй его точки, — негромко, ровным голосом произнёс он. — Я увожу его.

Его мягкий, бархатистый тон оставался совершенно бесстрастным.

Чу Ян скользнул взглядом по лежащему на кушетке юноше. Тот по-прежнему казался неподвижным, но его плотно сомкнутые ресницы мелко подрагивали. То ли этот жест заставил молодого главу крепости о чём-то задуматься, то ли он вовремя вспомнил строгий наказ отца не навлекать на себя неприятности в этой поездке, но он всё же нехотя протянул руку и снял оцепенение с тела Бай По.

Едва к мышцам вернулась чувствительность, Бай По попробовал пошевелить пальцами. Убедившись, что свободен, он медленно приоткрыл глаза и вперил в Чу Яна взгляд, полный жгучей ненависти. Однако юноша в синем лишь издевательски усмехнулся в ответ, заставив Бай По невольно сжаться. Ван Шо, хоть и стоял с опущенной головой, заметил это мимолётное движение. Не проронив ни слова, он наклонился и уверенно подхватил юношу на руки.

Бай По кипел от ярости. Он поклялся себе, что никогда не забудет того унижения и дикого ужаса, которые заставил его пережить этот мерзавец. Одно радовало: всё случилось в поместье Су, и Ван Шо пришёл вовремя. Едва Бай По хотел взглянуть на своего спасителя, как почувствовал под спиной сильные ладони. Секунда — и он уже оказался на руках у Ван Шо. Родной, до боли знакомый запах мгновенно утихомирил его, заставив оставить попытки

вырваться. Одарив безмолвную ночь ледяным взглядом, Ван Шо молча развернулся и покинул комнату.

Бай По открыл было рот, чтобы что-то сказать, но осёкся под леденящим взглядом Ван Шо. Чем он умудрился его разгневать? Ему и раньше доводилось видеть недовольство или раздражение на лице спутника, но такую пугающую, глухую стужу он лицезрел впервые. Бай По робко обвил руками шею мужчины и плотнее прижался к его груди — этот холодный взгляд заставил его всерьёз испугаться, что его сейчас просто швырнут на камни.

Устроившись поудобнее, он расслабился и шумно вздохнул, впитывая знакомый, успокаивающий аромат. Веки тут же налились свинцом. На смену пережитому страху пришло глухое, непреодолимое утомление. Проваливаясь в глубокий сон, Бай По лениво подумал:

«Оказывается, после сильного потрясения всегда так отчаянно клонит в сон...»

Ван Шо был в ярости. Настоящей, всепоглощающей. Обычно он редко выходил из себя. Для него любые эмоции, будь то гнев или радость, служили лишь масками, которые он надевал по мере необходимости. Нужна улыбка — он будет улыбаться. Требуется показать раздражение — покажет. Вещей, способных зацепить его за живое и по-настоящему растревожить душу, существовало ничтожно мало.

Но картина, представшая перед ним в той комнате, мгновенно выжгла всю его напускную невозмутимость. Гнев раскалённой лавой хлынул по венам, в висках оглушительно застучало. Ему отчаянно хотелось крушить всё вокруг, стирая в порошок любые препятствия. А глядя на сжавшегося на кушетке юношу, он едва сдерживал дикое желание отвесить ему хлёсткую пощёчину. Самое странное — Ван Шо чувствовал себя так, словно осквернили его самого. И это нелепое, удушающее чувство злило и ставило его в тупик.

Ему пришлось признаться самому себе: за месяцы совместного пути всё переменилось. На бумаге Бай По числился его телохранителем, но на деле это Ван Шо без конца опекал и вытаскивал его из передраг. Этот мальчишка порой вёл себя как капризный, избалованный ребёнок, доставляя кучу хлопот.

«Неужели за это время я привык считать его своей личной вещью? Собственностью, к которой никто не смеет прикасаться?»

Другого разумного объяснения своему бешенству Ван Шо найти не мог.

Даже к вещам со временем привязываешься настолько, что мысль о чужих руках вызывает брезгливость. Что уж говорить о живом человеке? Бай По стал первым в его жизни существом, о котором он искренне заботился. И этого мальчишку только что лапал какой-то чужак.

От этой мысли Ван Шо судорожно сжал пальцы. Юноша на его руках недовольно заворочался и тихо заскулил. Ван Шо опустил взгляд. Бай По мирно спал, уткнувшись ему в плечо и крепко

оббив шею руками — точно перепуганный зверёк, уцепившийся за единственную надёжную ветку.

Вид этого беззащитного сна мгновенно остудил его пыл. Он ведь доверяет ему, верно? Разве стал бы спать так безмятежно в чужих руках? Ван Шо слишком хорошо знал, каким жестоким, эгоистичным и расчётливым умеет быть этот юноша, и в то же время — каким капризным и изнеженным.

Ван Шо принёс его в свою комнату и бережно опустил на постель. Сам присел на край, подолгу всматриваясь в расслабленное лицо спящего. Изредка он протягивал руку и касался его макушки. Волосы у Бай По оказались на удивление мягкими и шелковистыми — совсем как шёрстка породистого белого пса, которого Ван Шо когда-то держал во дворе. Мужчина невольно улыбнулся.

Затем его взгляд переместился на пухлые щёки юноши. Любопытство взяло верх: захотелось проверить, так ли они мягки на ощупь, как кажутся. Ван Шо осторожно потянул Бай По за круглую щёку и усмехнулся шире. Кожа оказалась нежнейшей, точь-в-точь как его любимые хрустальные пирожные — упругая и шелковистая.

Вволю натешившись этой детской забавой, Ван Шо внезапно замер. На его лице проступило непривычное смущение — он вдруг осознал, насколько нелепо выглядит со стороны. Тряхнув головой, мужчина мысленно выругал себя за секундную слабость. Устроившись поудобнее, он прикрыл глаза и погрузился в медитацию, медленно разгоняя по меридианам восстанавливающуюся внутреннюю силу.

Бай По проснулся глубокой ночью. Сразу сообразив, что находится в чужой комнате, он настороженно огляделся по сторонам и вдруг замер. Прямо у его постели сидел человек. Свеча на столе тускло теплилась, её аккуратно подрезанный фитиль давал лишь слабый, зыбкий свет, но этого хватило, чтобы узнать силуэт.

Рядом сидел Ван Шо.

Бай По не стал ломать голову над тем, почему мужчина караулит его сон. Он сосредоточился и прислушался к току энергии в теле: каналы очистились, истощённые за день резервы полностью восстановились.

Но стоило ему вспомнить события вчерашнего дня, как бешеная злость и обида жаркой волной затопили грудь. Его никогда так жестоко не унижали! Чем больше он прокручивал в голове сцену с Чу Яном, тем сильнее закипал. Ему безумно хотелось выплеснуть гнев — хотя бы со всей силы треснуть кулаком по деревянному изголовью кровати. Но, взглянув на свои ухоженные, нежные ладони, он поморщился: больно ведь будет... С досадой переведя взгляд на дремлющего рядом Ван Шо, Бай По не нашёл ничего лучшего, кроме как с размаху пнуть его ногой.

Закончив медитацию, Ван Шо незаметно для себя задремал. Он никак не ожидал коварного

нападения во сне, а потому от сильного пинка кубарем полетел на пол.

Бай По злорадно окинул взглядом растянувшегося на ковре мужчину. На душе стало чуточку легче. Ловко спрыгнув с постели, он подошёл к столу, схватил глиняную пиалу и с треском швырнул её на пол.

— Тварь! — прошипел он сквозь зубы. — Клянусь, Чу Ян, я заставлю тебя захлебнуться собственным дерьмом!

Одной разбитой пиалы показалось мало. В ярости Бай По смахнул со стола всё, что подвернулось под руку: медный чайник, блюдца, светильник — всё это с грохотом полетело на пол. Юноша тяжело, прерывисто дышал, продолжая исступлённо изрыгать проклятия.

Упав на пол, Ван Шо на миг опешил, и в его глазах вспыхнула мгновенная, смертоносная жажда крови. Но, подняв голову и увидев беснующегося Бай По, он умирил пыл до глухого раздражения. Быстро поднявшись на ноги, он мёртвой хваткой вцепился в запястье юноши:

— Что за безумие ты устроил посреди ночи?

— Пусти! — Бай По рванулся, пытаясь высвободить руку. — Мне же больно!

Однако Ван Шо держал крепко, вынуждая юношу смотреть прямо ему в глаза. В комнате повисло тяжёлое, гнетущее молчание.

Наконец Ван Шо нарушил тишину и холодно усмехнулся:

— И чего ты этим добьёшься? Решил известить всю посуду в доме?

Обида, горевшая в груди Бай По, требовала выхода, и он, не думая о последствиях, выкрикнул:

— Я убью его! Только когда его труп сгниёт, я успокоюсь!

— А ничего, что ты сам полез на рожон? — Ван Шо нетерпеливо изогнул бровь.

Бай По замялся. Разумеется, он сам ввязался в эту глупую затею, но признавать свою вину не хотелось. Оправданий не находилось, а злость по-прежнему душила его.

Ван Шо без труда прочёл всё на его лице. Видя, как юноша шумно дышит, не находя слов, он спокойно произнёс:

— Желание прикончить его вполне понятно. Вот только скажи: кто из нас двоих сможет

одолеть его в бою?

Этот вопрос окончательно лишил Бай По дара речи. Жестокая, суровая правда жизни: против Чу Яна он был бессилен. А уж Ван Шо и подавно не умел держать меч.

Немного помолчав, Бай По справился с эмоциями. Гнев уступил место привычной холодной рассудительности. Он поднял взгляд на Ван Шо и тихо скомандовал:

— Отпусти.

Ван Шо пристально посмотрел на него, убеждаясь, что буря миновала, и равнодушно разжал пальцы.

— Раз уж всё понимаешь, веди себя смирно. Сейчас в Ваньчэн съехались мастера со всей Великой Чжоу. Нам нужно залечь на дно и не привлекать лишнего внимания.

— Кто такой этот Чу Ян? — проигнорировав нотацию, спросил Бай По.

— Молодой глава крепости семьи Чу, — видя, что собеседник полностью пришёл в себя, Ван Шо ответил без утайки. — Один из признанных столпов боевых искусств Великой Чжоу, чьё имя заставляет трепетать всю Поднебесную.

Договорив, он зевнул — сказывалась ночная усталость.

— Значит, молодой глава... — упавшим голосом пробормотал Бай По.

Он опустил голову, заворожённо глядя на пляшущий язычок свечи. Тусклые, неровные отблески ложились на стены, навевая тоску. Ему вдруг вспомнился холодный зимний закат на его далёкой северной родине. Такое же блёклое, умирающее светило.

Один порыв ветра — и всё погрузится во тьму.

Пока он безмолвно созерцал огонь, на его ладонь, лежавшую на краю стола, опустилась чужая тёплая рука. Вздвогнув от неожиданности, Бай По поднял глаза. На его пальцах покоилась ладонь Ван Шо.

Юноша вопросительно приподнял бровь, но его спутник лишь беззаботно усмехнулся:

— Терпеть не могу, когда у тебя такое лицо. Выглядишь так, будто прямо сейчас в штаны наложил.

<http://bllate.org/book/18409/1865474>